

Беседа 43

Последний разговор Пилата с Иисусом и осуждение Иисуса на смерть

Иудеи отвечали ему: мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим. Пилат, услышав это слово, больше убоялся. И опять вошел в преторию и сказал Иисусу: откуда Ты? Но Иисус не дал ему ответа. Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе. С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю. Пилат, услышав это слово, вывел вон Иисуса и сел на судилище, на месте, называемом Лифостротон, а по-еврейски Гаввафа. Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестый. И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш! Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря. Тогда наконец он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели

(Ин. 19,7 - 16).

Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его. Так говорил Давид, видевший в будущем судьбу Мессии (Пс. 2, 2). И вот царь Ирод уже кончил свое дело. Князья Иуды, члены синедриона, настойчиво требуют смерти Иисусовой. Пилат, по-видимому, идет против совета неправды. Но сколько он уже сделал уступок неправде! Сколько оскорблений правам правды допустил он! Не более ли он действовал доселе по движениям страстей личных, чем по чистой и твердой любви к правде? Посмотрим, чем окончил Пилат дело свое.

Иудеи отвечали ему: мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим.

Сыны века сего изобретательны на дела тьмы. Когда синедрион увидал, что Пилат готов предать суду самих членов синедриона за их возмущения против власти, он дает делу своему другой оборот. Оставляя, по крайней мере на время, нужду видеть осужденным Иисуса по законам римским, он решается обвинить Иисуса в преступлении против своего закона. Пусть, говорит синедрион, невиновен Иисус в преступлении против кесаря, это должен знать префект. Но синедрион действует по законам своей веры и если требует смерти для Иисуса, то требует согласно со своим законом. Какой же закон выставляет синедрион против Иисуса? — Закон против богохульников (Чис. 3, 24; Лев. 24, 16). Синедрион подводит Иисуса Христа под ответственность сего закона за то, что Иисус, как говорит синедрион, *сделал Себя Сыном Божиим*, — человек Иисус присвоил Себе Божескую честь. Так нечестие дерзко бывает до того, что самые грубые дела свои прикрывает законом Божиим! Сам ли Себя Иисус сотворил Сыном Божиим? Отец Небесный в слух народу провозглашал Его Сыном Божиим (Мф. 3, 17). Дела Иисуса и пророчества о Мессии показывали то же самое об Иисусе. Как часто в писаниях пророков Мессия называется Сыном Божиим и Богом, Мессии приписываются свойства Божества, Мессии приписываются дела Божии! Но книжные люди, у которых страсти не дозволили переходить знанию в плодотворное убеждение сердца, и прежде хотели убить Иисуса Христа за то, что Он, как говорили, будучи человеком, *сделал Себя Сыном Божиим*. Господь доказывал им тогда же, что сердцам их вовсе не знакомо Писание (Ин. 10, 33 — 37). Синедрион не хочет помнить вразумлений Иисуса Назарянина. Он занят другим. Он тайно радуется успеху своего

обвинения пред Пилатом. Пилат, как язычник, не имеет права судить о священных законах иудейских, он должен соглашаться с тем, что говорят ученые члены синедриона о своем законе, — а они показывают, что по уложению Моисея Иисус достоин смерти. И однако новое обвинение едва не кончилось последствием самым печальным для синедриона.

Пилат, услышав это слово, больше убоялся.

Услышав в первый раз, что Иисус считает Себя Сыном Божиим, римский префект более прежнего исполнился благоговейного внимания к Иисусу. Пилат, хотя и язычник, не мог заставить сердце свое не благоговеть пред Божеством. Рассеянною жизнью он подавлял в себе естественную любовь к Божественному, о которой говорит святой Павел (Рим. 1, 19; 2, 14). Но сон жены его уже заставил его быть почтительно внимательным к Иисусу Праведнику. Всё, что слышал он сам от Иисуса, также оставляло в глубине души его удивление к Иисусу. Когда же услышал он, что пред ним Сын Божий, это заставило его содрогнуться не страхом земной боязни, а страхом религиозным. Мысль о сынах Божиих известна была язычникам, хотя и в испорченном виде. Они верили, что боги принимали на себя образ человеческий и рождали детей-полубогов (Деян. 14, 11; 28, 6). Что если Иисус, думал Пилат, есть один из сынов Божиих: не опасно ли оскорблять Его чем-либо? Да, Пилат-язычник поражен был благоговением пред величием Иисуса, хотя это величие еще не вполне и не в точном виде известно было Пилату. — Каковы же те христиане, которые так много знают об Иисусе Христе, знают откровение неба о Его Божественности, знают дела Его для человечества, знают в Нем будущего Судию вселенной — и однако ни за что считают пренебрегать законами Его? О! едва ли Пилат-язычник не будет им укоризною в вечности.

И опять вошел в преторию и сказал Иисусу: откуда Ты?

Пилат не пренебрег движением пробужденной совести своей. Он счел должным узнать ближе предмет, коснувшийся лучшей стороны души его. И не обратился он с вопросом к врагам Иисуса, а к Самому Иисусу. За это нельзя не отдать чести Пилату. Случается же, что и потревожит иного высокая мысль, но он или оставляет ее без внимания, или же отдает ее на суд врагов ее, вместо того чтобы спросить о ней Святое Писание. Пилат спрашивает Иисуса: *откуда Ты?* Это не значит, что он спрашивает о месте земного рождения Иисуса Христа: он уже знает, что Иисус происходит из Назарета,

что Он галилеянин; это знала даже и стража Пилата. Пилат спрашивает об отношении Иисуса к Божеству; он хочет знать, что за происхождение Его, если оно есть происхождение свыше? Где и как родился Он от Бога?

Но Иисус не дал ему ответа.

Что это значит? Нельзя сказать, чтобы высокий помысел оставлен был без внимания. Молчание Иисуса служило одобрением высокой мысли Пилата о неземном происхождении Иисуса. Но не дано подробное наставление о тайне Божественного Лица, потому что Пилату, по расположениям души его, оно было не нужно. Оно не послужило бы ему на пользу, а лишь в большее осуждение, если бы он и понял его. Спаситель видел, что земные расчеты все-таки возьмут верх над всеми добрыми помыслами Пилата. К чему же было подвергать его более тяжелой ответственности, когда и без того нелегко ему отвечать за себя пред судом вечной Правды?

Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?

Вот уже опять в Пилате волнение дурных и добрых расположений. Гордость властителя оскорбляется тем, что не исполняют желаний ее; гордость властителя позволяет себе мечтать, будто она имеет право распоряжаться судьбою людей по своему произволу, будто она сама себе закон, и власть ее — ее собственность. По ответу Сердцеведца видно, что Пилата тревожило еще и любопытство — ближе узнать Иисуса, любопытство, соединенное с желанием отпустить Иисуса. Так в людях доброе обыкновенно мешается с худым.

Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе.

Какой многообъемлющий ответ! Он и одобряет мысль Пилата о неземном происхождении Иисуса, и он не рассеивает мечтательной надменности Пилата. Говоря Пилату, что судьба Того, Кто стоит пред римским префектом, определена свыше, Спаситель подтверждает догадку Пилата о Его происхождении свыше. И теми же словами Он побуждает Пилата быть строго внимательным к своему делу, а не давать воли мечтам гордости; Пилату поручена власть свыше, от Бога (Ин. 3, 31; Иак. 1,17; Прем. 6, 3); как все суды земные, суд Пилата находится под невидимым управлением Судьи Небесного, который потребует некогда отчета от всех неправедных

властителей, в том числе и от Пилата. На небе строго соблюдают правду, там каждому отдают свое. *Посему более греха на том, кто предал Меня тебе*, говорит Господь Пилату. — Так как Пилат точно не знал, Кто таков подсудимый ему, притом не он восстал против Иисуса, а синедрион злобно предал Иисуса Пилату, тогда как имел все средства знать Божественное достоинство Иисуса, — то Пилат менее виновен, чем упорные враги иудеи. *Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много* (Лк. 12, 47). Однако и Пилат небезопасен: Небесный Судья не оставит судьи земного без наказания, когда тот не спасал от смерти Праведника.

С этого времени Пилат искал отпустить Его.

Вот к чему привело Пилата новое обвинение синедриона против Иисуса Христа! По тому самому, что Иисус называется Сыном Божиим, Пилат счел за долг усерднее прежнего искать средства спасти Его от смерти.

Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю.

Изворотливый синедрион обращается к прежнему обвинению против Иисуса, но бросает его Пилату уже в другом виде, в таком, что оно говорило уже и о судьбе Пилата. Синедрион дает понять, что готов он перенести дело в Рим на суд кесаря, что он станет обвинять самого Пилата в неприязненном расположении к кесарю: друг ли он кесаря? Пилат знал, что в Риме много можно делать деньгами и происками, а за ним, Пилатом, немало было грехов по управлению. Он знал и то, что тогдашний кесарь Тиверий был подозрителен, везде видел измену и оскорбление величества, не имел доверия даже к родным. И Пилат, для которого земное счастье было божеством, решается пожертвовать смертью Праведника своим выгодам.

Странно, почему синедрион доселе не выставлял того, что теперь говорил он Пилату? Зачем было ему вести такую долгую борьбу с Пилатом, когда у него под рукою было верное средство к победе над ним? Верный ответ один: так угодно было воле Божией, всегда попечительной о пользе человечества. Не видят ли теперь миллионы, что страсти людские — злоба, коварство, наглость, суетность, истощили все меры, чтобы очернить Иисуса Христа, и кого же очернили? — себя самих. Величие Иисуса пред синедрионом и Пилатом — величие Божественное. Теперь видят, каким жал-

ким деятелем был синедрион. *И, не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его* (Деян. 13, 28): так описал действия синедриона апостол Павел в слух синагоге иудейской!

Римский префект, решившийся по своим личным видам уступить сильной неправде, взошел и сел на судейское место. Это место было на открытой площадке, устланной разноцветным мрамором и потому называвшейся по-гречески Лифостротон; евреи называли ту же площадку — Гаввафа, как возвышающуюся над окрестностью несколькими ступенями. Сюда приведен был из претории Господь Иисус.

Се, Царь ваи! — сказал Пилат иудеям с насмешкою, мстившею за то, что вопреки своему желанию и совести префект хочет осудить Невинного. *Возьми, возьми, распни Его!* — закричала толпа, взволнованная людьми, услужливыми синедриону. Как? *Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря.* А давно ли они говорили Иисусу: *не были рабами никому никогда* (Ин. 8, 33). «У нас нет другого Царя, кроме Бога», — повторяли они в синагогах своих. Теперь они обрекают сами себя в рабство кесарю, чтобы только отказаться от Царя Мессии. — Так исполнилось то, о чем говорил им Христос Иисус в притче о Царстве. Они исполнили свое — отреклись от царственного Наследника. Исполнит Свое над ними и Наследник. *Врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избеите предо мною* (Лк. 19, 27).

Тогда наконец он предал Его им на распятие. Вот и приговор Пилата Праведнику!

Пилат предал на смерть Праведника, чтобы только остаться другом кесаря; боязнь потерять благоволение сильного земли заставила пожертвовать совестью своею и участью невинности.

О! низкая постыдная боязнь людей! Как много нечистого, как много отвратительного внесла и вносишь ты в мир! Сколько добрых намерений, сколько добрых дел, сколько великих подвигов уносишь ты из мира! *Ты не друг кесарю* — эти слова не часто ли звучат в ушах судей, заглушая голос совести и угнетенной правды? Что скажут в свете? — говорят светские христиане и с трепетом отступают от самых святых намерений, от самых благочестивых желаний, от самых спасительных дел. Как, говорят, идти не тою дорогою, по которой идут люди почетные и вовсе не злые? Как идти наперекор свету и быть предметом толков и нареканий? Чего не

услышишь, если решишься на подвиг церковного поста, тогда как в свете принято употреблять мясную пищу в пост? Послушайте, о чем и как говорят в беседах светских? Говорят о всем, что знают и чего не понимают, и говорят на разных языках: говорят на языке суетности и гордости, на языке корысти и лжи, на языке малодушия и зависти, на языке гнева и досады — но не на языке христианском. Почему же не говорят на языке христианском? Из опасения, чтобы по нему не узнали в них христиан и не осмеяли за это. О! не значит ли всё это стыдиться Христа и слов Его в роде лукавом и прелюбодейном (Мф. 12, 39)?

Слушатели мои! Судом людей добрых и умных не следует пренебрегать; надобно уважать тех, которые поставлены как примеры уважения высшим распоряжением, но всё это до тех пор, пока не требуют от нас противного совести, противного воле Божией. Иначе справедливо ли *повиноваться больше Богу, нежели человекам?* — судите (Деян. 5, 29). Дело ли доброй нравственности предпочитать нечестие сердца благочестию? Что скажут обо мне в свете, говоришь ты. А не думаешь о том, что скажут о тебе праведники Божии, которые имеют право судить самый мир (1 Кор. 5,3)? *Узрят праведнии... и возмечются и рекут: се, человек, иже не положи Бога помощника себе* (Пс. 51, 8 — 9), — вот что скажут о тебе они, и какая это грозная правда в устах их. Ты опасаясь делать неприятное людям и забываешь о приговоре, произнесенном над нечестивым человекоутодием: *Бог рассыпа кости человекоугодников... и Бог уничижи их* (Пс. 52, 6). Спасет ли тебя мир, который ты так чтить, от грозного суда за оскорбление прав Божиих? Послушай, что говорит Пророк о подобных тебе: *где боги их, твердыня, на которую они надеялись, которые ели тук жертв их и пили вино возлияний их? пусть они восстанут и помогут вам, пусть будут для вас покровом!* (Втор. 32, 37 — 38). Ах! на суде Божиим нечестивому миру будет не до тебя, и тебе придется одному отвечать за себя. И за какие тяжкие грехи придется тебе отвечать! Ты будешь отвечать за твою холодность к святости и правде, за твое упование на людей, а не на Бога, за твое нечестие пред Богом сердца твоего, за твое малодушие в отношении к себе и за равнодушие к участи ближних, соблазняемых примером твоим. Какой грозный приговор ждет тебя! *Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным*, сказал нам Сын Божий (Мф. 10,33), — и Он исполнит Свое слово. О! бойтесь Пилатовой боязни! Аминь.